

АБСОЛЮТИЗМ В ЕВРОПЕ РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ И ЕГО РОЛЬ В СТАНОВЛЕНИИ ЦЕНТРАЛИЗОВАННЫХ НАЦИОНАЛЬНЫХ ГОСУДАРСТВ

Вититнев Сергей Федорович

Доктор исторических наук, профессор,
Российский государственный социальный университет
svititnev@yandex.ru

Бруз Владимир Виленович

Доктор исторических наук, профессор,
Государственный университет просвещения
vvb54@yandex.ru

Зенов Павел Евгеньевич

Кандидат юридических наук, доцент,
Российский государственный социальный университет;
АО Концерн радиостроения "Вега"
mei_2018@inbox.ru

ABSOLUTISM IN EARLY MODERN EUROPE AND ITS ROLE IN THE ESTABLISHMENT OF CENTRALIZED NATION-STATES

S. Vititnev

V. Bruz

P. Zenov

Summary: The centralization of state power in Europe during the sixteenth to eighteenth centuries and the transition from seigneurial fragmentation to the sovereign territorial monarchy remain the subject of a persistent historiographical debate. The disagreement concerns whether absolutism constituted a necessary stage in the formation of the centralized nation-state or merely one of several trajectories, alongside the parliamentary path of England and the composite monarchies of the Iberian and Central European regions. The aim of the study is to determine the functional place of the absolutist form of rule within the process of state centralization in the early modern period and its relation to the formation of the nation-state. Comparative-historical, historical-typological, and historical-genetic methods are applied; the empirical basis comprises the political and legal doctrines of sovereignty, the institutional practice of the French, English, Spanish and Brandenburg-Prussian monarchies, and the pivotal acts of the era – the Peace of Westphalia of 1648, the Edict of Nantes of 1598 and its revocation in 1685. A comparison of the trajectories shows that absolutism shaped the fiscal-military and administrative apparatus that outlived the absolute monarchy itself and became the load-bearing structure of the subsequent nation-state; the political nation as a community takes shape later than the apparatus and is superimposed upon it. The stable yet incomplete correlation between absolutism and centralization indicates that the absolute monarchy functioned as the dominant, though not the only, form of the early modern centralizing state on the continent. It did not amount to a universal stage of its development.

Keywords: absolutism, early modern period, centralized state, nation-state, sovereignty, fiscal-military state, estates.

Аннотация: Централизация государственной власти в Европе XVI–XVIII вв. и переход от сеньориальной раздробленности к суверенной территориальной монархии остаются предметом устойчивой историографической дискуссии. Разногласие касается того, выступал ли абсолютизм необходимой стадией складывания централизованного национального государства или же одной из нескольких траекторий, наряду с парламентским путём Англии и композитными монархиями Пиренейского и центральноевропейского ареалов. Цель работы – определить функциональное место абсолютистской формы правления в процессе государственной централизации раннего Нового времени и её отношение к формированию национального государства. Применены сравнительно-исторический, историко-типологический и историко-генетический методы; эмпирическую основу образуют политико-правовые доктрины суверенитета, институциональная практика французской, английской, испанской и бранденбургско-прусской монархий, а также узловые акты эпохи – Вестфальский мир 1648 г., Нантский эдикт 1598 г. и его отмена в 1685 г. Сопоставление траекторий показывает, что абсолютизм сформировал фискально-военный и административный аппарат, переживший саму абсолютную монархию и ставший несущей конструкцией последующего национального государства; политическая нация как сообщество складывается позже создаваемого аппарата и надстраивается над ним. Устойчивая, но неполная корреляция абсолютизма и централизации означает, что абсолютная монархия функционировала как господствующая на континенте, хотя и не единственная форма раннемодерного централизующегося государства. Универсальной ступенью его развития она не была.

Ключевые слова: абсолютизм, раннее Новое время, централизованное государство, национальное государство, суверенитет, фискально-военное государство, сословное представительство.

Введение

Складывание централизованного государства в Западной Европе XVI–XVIII вв. описывается в историографии через две несовпадающие модели. Первая связывает централизацию с абсолютной монар-

хией и рассматривает её как закономерную стадию, на которой корона подчиняет сеньориальные, сословные и городские автономии единому центру. Вторая ставит саму эту связь под сомнение, указывая на композитный характер большинства монархий эпохи и на английский путь, где централизация продвинулась без классическо-

го абсолютизма. Обзор современных подходов к ранне-модерному государству, выполненный А.В. Пенским [9], фиксирует смещение исследовательского интереса от нормативной картины «всевластного монарха» к реконструкции реальных пределов королевской власти, её договорной природы и зависимости от посреднических элит.

Противоречие обнаруживается уже на уровне понятий. Термин «национальное государство» применительно к XVI–XVII вв. используется условно: политическая нация в современном смысле ещё не сложилась, а централизуемый аппарат обслуживал династию и территорию, не апеллируя к суверенитету народа. Складывание государства как обезличенной публично-правовой конструкции и складывание нации как сообщества разведены во времени; на это разведение обращает внимание А.Я. Рубинштейн в теоретических заметках об эволюции государства [15]. Отсюда исследовательский вопрос: чем именно был абсолютизм для процесса централизации – его двигателем, его формой или его частным случаем.

Дополнительную сложность вносит разнонаправленность траекторий. Революции XVII–XVIII вв. в странах Запада, причины которых разбирает Д.А. Ростиславлев [4], показали, что усиление короны наталкивалось на сопротивление сословий и приводило к разным исходам – от восстановления абсолютной власти во Франции до её парламентского ограничения в Англии. Один и тот же импульс централизации давал несходные институциональные результаты. Это делает недостаточным описание абсолютизма как единой поступательной линии и требует типологического сопоставления национальных вариантов.

Материалы и методы исследования

Исследование опирается на сравнительно-исторический, историко-типологический, историко-генетический методы и метод исторической периодизации. Сравнительно-исторический метод применён к четырём монархиям – французской, английской, испанской, бранденбургско-прусской – как к контрастным вариантам централизации. Историко-генетический метод использован при реконструкции перехода от сеньориальной и сословной государственности к суверенной территориальной монархии. Периодизация международных отношений Нового времени, систематизированная в отечественной литературе А.Ф. Савченко [7], задаёт хронологические границы: нижняя относится к рубежу XV–XVI вв. с завершением территориальной консолидации Франции, Испании и Англии, верхняя – к последней трети XVIII в.

Эмпирическую основу образуют политико-правовые доктрины суверенитета XVI–XVII вв., институциональная

практика перечисленных монархий и узловые акты эпохи. К последним отнесены Аугсбургский религиозный мир 1555 г., Нантский эдикт 1598 г. и эдикт Фонтенбло 1685 г., Вестфальский мир 1648 г., английские Петиция о праве 1628 г. и Билль о правах 1689 г. Складывание внешнеполитического измерения суверенных государств прослежено по этапам западноевропейской дипломатии раннего Нового времени, выделенным Д.В. Мазарчуком [3]. Династические и территориальные ряды привлекаются в той мере, в какой они позволяют различить формы централизации без воспроизведения событийной канвы.

Результаты и обсуждение

Понятийным ядром абсолютизма выступает доктрина суверенитета. Жан Боден в трактате «Шесть книг о государстве» (1576) определил суверенитет как постоянную и неделимую верховную власть, не связанную положительным законом; спустя три четверти века Томас Гоббс в «Левиафане» (1651) довёл эту линию до концепции неограниченного носителя власти, учреждаемого договором. Доктрина закрепляла за короной право издавать закон, вершить суд и распоряжаться войной и налогом помимо согласия сословий. Г.Г. Пиков, характеризуя цивилизационное содержание европейской эпохи трансформации [8], связывает подъём этих доктрин с общим сдвигом от корпоративно-сословного к централизованно-территориальному принципу организации общества.

Абсолютизм наследовал средневековым представлениям о власти, переоформляя их. Преемственность христианских политических идей и их роль в генезисе новоевропейской государственности прослежены М.Р. Деметрадзе и С.П. Шороховой [13]; сакрализация королевской власти, идея «божественного права» королей опирались на средневековую традицию, но обслуживали уже новую, светскую по функции машину управления. Сходный сюжет разворачивается в реконструкции П.В. Кузенкова, показывающей эволюцию имперской идеи от Древнего мира к Новому времени [1]: универсалистская имперская модель уступала место множеству территориально ограниченных суверенитетов, что и зафиксировал Вестфальский мир 1648 г.

Классической формой абсолютизма стала французская монархия. При кардиналах Ришелье (1624–1642) и Мазарини (1642–1661), а затем в период личного правления Людовика XIV (с 1661 г.) корона выстроила систему интендантов – назначаемых чиновников, замещавших на местах власть родовой аристократии и провинциальных штатов. Генеральные штаты Франции не созывались с 1614 по 1789 г.; сословное представительство общегосударственного уровня фактически выпало из механизма власти. И.А. Исаев, разбирая образцы государственности Нового времени [5], усматривает во французской

модели соединения римско-имперского идеала единой воли с новой техникой административного контроля. Экономическую опору централизации составил меркантилизм кольберовского типа, подчинявший хозяйственную политику фискально-военным нуждам короны. О.В. Ким, обзревая идейные направления, связывающие ранний модерн с капитализмом [2], помещает эту политику в контекст перехода от средневековой к раннекапиталистической организации хозяйства.

Централизация имела религиозное измерение. Принцип «*cuius regio, eius religio*», закреплённый в Аугсбурге в 1555 г., отдавал определение конфессии территориальному государю и тем самым усиливал территориальную власть за счёт универсальной церковной. Отмена Нантского эдикта в 1685 г. подчинила религиозное единство королевства административной логике абсолютизма ценой хозяйственных потерь от эмиграции гугенотов. Конфликт и переплетение духовной и светской власти на пути к Новому времени прослежены И.А. Исаевым в работе о «двух империях» – церкви и государстве [11]; складывание территориального суверенитета сопровождалось перераспределением прерогатив в пользу короны.

Территориальное измерение оказалось не менее важным, чем институциональное. Оформление государства раннего Нового времени шло через фиксацию границы и сплошного, однородно управляемого пространства взамен лоскутной сеньориальной карты. Предпосылки складывания устойчивых межгосударственных образований в исторической ретроспективе, рассмотренные А.А. Обуховым [14], указывают на то, что этот каркас складывался в поле межгосударственного взаимодействия. Эту сторону процесса – превращение территории и границы в конституирующий признак государства – специально выделяет И.А. Исаев [6]. Сплошная территория, единая монета, унифицируемое право, и постоянная армия создавали материальный каркас, к которому позднее привязывалась национальная идентичность.

Отношение короны к сословному представительству служит наиболее чувствительным различителем траекторий. Во Франции общегосударственные Генеральные штаты выпали из практики на 175 лет, а провинциальные штаты уцелели лишь в части областей (*pays d'états*). В Англии парламент институционализировался как постоянный участник законодательства и вотиrowания налогов; попытка Карла I править без него в 1629–1640 гг. окончилась политическим кризисом и гражданской войной. В испанской монархии кортесы отдельных королевств сохранились, однако утратили инициативу; в бранденбургско-прусских землях ландтаги были оттеснены военно-налоговой администрацией уже к середине XVII в. Один и тот же вопрос – согласие подданных на налог – решался

в этих государствах противоположным образом.

Сквозным двигателем централизации во всех перечисленных случаях служил военный императив. Рост постоянных армий в XVI–XVII вв., достигших к исходу правления Людовика XIV нескольких сотен тысяч человек, требовал регулярного налога взамен чрезвычайного и постоянного аппарата для его сбора. Война перестала обеспечиваться доходами домена и разовыми субсидиями сословий; её финансировали прямые подати, откупа и государственный долг. Отсюда бюрократизация. Продажа должностей во Франции, закреплённая полеттой 1604 г., превратила чиновничество одновременно в наследуемую собственность и в источник казённого дохода. Складывался тип государства, в котором фиск и армия влекли за собой развитие администрации и права, а доктрина суверенитета оформляла этот процесс и придавала ему легитимность.

Абсолютистская модель не была общеевропейской нормой. Английская монархия после Петиции о праве 1628 г., гражданских войн и Славной революции 1688 г. закрепила ограничение короны парламентом при сохранении высокой степени административной и фискальной централизации. Испанская монархия Габсбургов оставалась композитной: объединение Кастилии и Арагона при сохранении их отдельных установлений давало централизацию династическую, но не унитарную. В Бранденбурге-Пруссии при Великом курфюрсте Фридрихе Вильгельме (1640–1688) сложилась военно-бюрократическая разновидность, где постоянная армия и податный аппарат опережали в развитии прочие институты. За пределами Западной Европы централизация принимала ещё более отличные очертания: преобразования Петра I, помещённые С.Д. Мезенцевым в контекст мирового исторического процесса [10], и трансформация государств Востока в Новое время, описанная А.В. Панфиловым и А.Л. Бредихиным [12], демонстрируют, что фискально-военный императив действовал широко, а его институциональное оформление разнилось.

Различие траекторий удобно представить типологически (табл. 1).

Сопоставление обнаруживает, что общим для всех четырёх вариантов было наращивание фискально-военного аппарата, тогда как политико-правовая оболочка этого процесса различалась радикально. Франция довела до предела доктрину неделимого суверенитета короны и устранила общегосударственное сословное представительство. Англия достигла сопоставимой административной и налоговой плотности, сохранив и институционализировав парламент; централизация состоялась здесь без абсолютистской доктрины. Значит, наличие мощного централизованного аппарата не влечёт с необходимостью абсолютной формы правления –

Таблица 1.

Траектории государственной централизации в Европе раннего Нового времени.

Критерий сопоставления	Франция (классический абсолютизм)	Англия (парламентский путь)	Испания (композиционная монархия)	Бранденбург-Пруссия (военно-бюрократическая модель)
Политико-правовая доктрина	неделимый суверенитет короны, «божественное право» короля	верховенство «короля в парламенте», ограничение прерогативы	династическая уния при раздельных установлениях областей	княжеский суверенитет, подчинение сословий военным нуждам
Фискально-военный аппарат	постоянная армия, интенданты, откупная и прямая подать	флот и налоги под парламентским вотированием	имперские доходы, опора на заморское серебро и займы	прямой военный налог (конtribution), податная директория
Сословное представительство	Генеральные штаты не созывались с 1614 по 1789 г.	парламент как постоянный участник власти	кортесы областей сохранились, но ослаблены	ландтаги оттеснены военно-налоговой администрацией
Религиозная политика	конфессиональное единство, отмена Нантского эдикта 1685 г.	государственная церковь при веротерпимости после 1689 г.	конфессиональная однородность, инквизиционный контроль	веротерпимость по хозяйственно-военным соображениям
Вектор к национальному государству	унитарный аппарат опережает складывание нации	правовая рамка, позднее наполняемая национальным содержанием	слабая интеграция при сохранении областных идентичностей	государственный патриотизм на военно-служилой основе

Источник: составлено автором.

связь между ними исторически устойчива, но не тождественна.

Испанский и прусский случаи уточняют картину с двух сторон. Габсбургская монархия показывает предел централизации, наталкивающейся на композиционную структуру: единый государь при раздельных установлениях Кастилии, Арагона, итальянских и нидерландских владений давал слабую внутреннюю интеграцию и хрупкость при военном перенапряжении. Бранденбург-Пруссия демонстрирует обратную конфигурацию: военно-податный аппарат опережает в развитии право и представительство, а государственная лояльность строится на служилой основе прежде, чем оформляется какое-либо национальное самосознание. В обоих случаях аппарат первичен по отношению к нации.

Вестфальский мир 1648 г. закрепил территориальный суверенитет как норму межгосударственного порядка и тем зафиксировал результат внутренней централизации на внешнем уровне. Государство раннего Нового времени получило признанную границу, монополию на внешние сношения и право войны, независимое от имперско-универсалистских притязаний. Эта территориально-суверенная оболочка, а затем и её административное наполнение, стала тем, что позднее унаследовала национальная государственность. Нация вписывалась в уже готовый контур; сам контур создавался под династию и фиск.

Отсюда следует уточнение исходной дихотомии. Абсолютизм точнее описывать как господствующую на континенте, исторически конкретную форму раннемоде- рного централизующегося государства. Обязательной

ступенью, через которую проходит всякий путь к централизации, он не был. Национальное же государство в строгом смысле – с политической нацией как источником суверенитета – надстраивается над созданным в XVI–XVIII вв. административно-фискальным каркасом позднее, в конце XVIII–XIX вв. Абсолютистская монархия построила скелет, который переживёт её самоё; наполнение этого скелета национальным содержанием относится уже к следующей эпохе. Полученная картина складывается в пользу типологической, а не стадийной трактовки, обозначенной во Введении.

Заключение

Абсолютизм раннего Нового времени выполнял в европейской истории функцию основного, но не единственного механизма государственной централизации. Доктрина суверенитета, постоянная армия, назначаемая бюрократия, унифицируемое право и единое податное пространство сложились в XVI–XVIII вв. в устойчивый административно-фискальный комплекс. Материальную основу позднейшего национального государства составил этот комплекс; сама по себе форма правления такой основой не была.

Связь абсолютизма с централизацией оказывается тесной, но не безусловной. Английский путь показал, что высокая степень административной и налоговой концентрации достижима при парламентском ограничении короны; испанский и прусский варианты развели во времени и по значимости военный аппарат, право и представительство. Разнообразие исходов при общем фискально-военном импульсе не позволяет считать абсолютную монархию обязательной фазой государственно-

гене́за.

Национальное государство в точном значении складывается позже создаваемого абсолютизмом аппарата. В XVI–XVII вв. централизованная машина обслуживала династию и территорию; политическая нация как носитель суверенитета надстраивается над ней в конце XVIII–XIX вв. Понятия «государство» и «нация», нередко сливаемые в обороте «национальное государство», в раннее Новое время разведены, и историческая последовательность здесь обратна привычному словосочетанию: сна-

чала аппарат, затем нация.

Функциональное место абсолютизма определяется этой последовательностью. Абсолютная монархия выстроила несущую конструкцию территориального суверенного государства и закрепила её узловыми актами эпохи – от Аугсбургского мира 1555 г. и Вестфальского мира 1648 г. до отмены Нантского эдикта в 1685 г. Дальнейшее наполнение конструкции национальным содержанием совершалось уже за пределами абсолютистской эпохи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кузенков П.В. Эволюция империи: от Древнего мира к Новому времени // Политическая наука. 2022. № 1. С. 80–99.
2. Ким О.В. Капитализм и ранний модерн на фоне средневековья: обзор идейных направлений // СибСкрипт. 2025. Т. 27. № 3 (109). С. 489–505.
3. Мазарчук Д.В. Основные этапы развития западноевропейской дипломатии раннего Нового времени // Известия Национальной академии наук Беларуси. Серия гуманитарных наук. 2023. Т. 68. № 3. С. 203–209.
4. Ростиславлев Д.А. О причинах революций XVII–XVIII веков в странах Запада // Вестник МГПУ. Серия: Юридические науки. 2021. № 1 (41). С. 50–61.
5. Исаев И.А. Ретроспективы Нового времени: образцы государственности и Новый Рим // История государства и права. 2025. № 4. С. 2–10.
6. Исаев И.А. Открытие Нового времени: территория и граница // История государства и права. 2025. № 12. С. 2–6.
7. Савченко А.Ф. Периодизация международных отношений Нового времени в современной отечественной литературе // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 5: История. 2024. № 3. С. 68–86.
8. Пиков Г.Г. Эпоха трансформации в истории Европы с точки зрения ее цивилизационного содержания // Идеи и идеалы. 2021. Т. 13. № 3–2. С. 298–312.
9. Пенской А.В. Проблемы формирования раннемодерных государств (сер. XV – сер. XVII вв.): современный взгляд // Nomothetika: Философия. Социология. Право. 2024. Т. 49. № 2. С. 263–272.
10. Мезенцев С.Д. Политические и социальные аспекты преобразований Петра Великого в контексте мирового исторического процесса // Вестник Забайкальского государственного университета. 2022. Т. 28. № 7. С. 87–95.
11. Исаев И.А. Две империи: церковь и государство на пути к Новому времени // История государства и права. 2025. № 9. С. 2–10.
12. Панфилец А.В., Бредихин А.Л. Трансформация государств Востока в эпоху Нового времени // Юридическая наука: история и современность. 2023. № 11. С. 126–133.
13. Деметрадзе М.Р., Шорохова С.П. Истоки современной геополитики: христианские корни и средневековая преемственность // Вестник Института мировых цивилизаций. 2021. Т. 12. № 2 (31). С. 13–21.
14. Обухов А.А. Предпосылки и причины формирования межгосударственных интеграционных объединений в исторической ретроспективе // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2021. № 1. С. 75–82.
15. Рубинштейн А.Я. Эволюция государства и провал общества: теоретические заметки // Экономическая наука современной России. 2023. № 1 (100). С. 33–47.

© Вититнев Сергей Федорович (svititnev@yandex.ru), Бруз Владимир Виленович (vvb54@yandex.ru),
Зенов Павел Евгеньевич (mei_2018@inbox.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»